

Дух «культуры 4 мая» и двойственный характер мышления Лу Синя

Чжан Фугуй

Цзилиньский университет,
КНР, 130012, пров. Цзилинь, Чанчунь, пр. Цяньцзинь дацзе, 2699

Для цитирования: Чжан Фугуй. Дух «культуры 4 мая» и двойственный характер мышления Лу Синя // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. Вып. 3. С. 368–382. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.305>

«Движение 4 мая» стало поворотным моментом в истории современного китайского общества и культуры. При этом направление развития культуры Китая в значительной степени определялось выдающимся китайским писателем, просветителем и революционером Лу Синем (1881–1936). Основная суть вечной живой культуры Лу Синя воплощена во множестве выдвинутых им суждений, касающихся развития нации, общества и культуры, нацеленных не только на прошлое, но и настоящее и будущее. Многие мысли Лу Синя опередили свое время на столетие. Говоря о его антитрадиционалистском подходе к вопросам развития новой культуры, нельзя игнорировать стоящий за этим рационалистический культурный дух просветительской идеологии. Пессимизм Лу Синя в начале «движения 4 мая» и проявившаяся в последующем жестокость могут служить ключом к пониманию культурного духа данного движения и его логической связи с лусиневской культурой. Анализируя критику Лу Синем нереализованной демократии Китая и его скептицизм в отношении новой культуры, можно заметить, что его внутренний настрой окутан тенью разочарования. Мы полагаем, что для духовного мира китайского писателя всегда было характерно наличие двух уровней: Лу Синь открытый, бросающий громкие призывы, и Лу Синь скрытый, страдающий и одинокий. При этом присущая ему резкость проистекает из глубокого понимания ситуации, а жестокость — из твердой воли и бескомпромиссного отношения к своей позиции. Причину такой жестокости обуславливают сила и необъятность его сопротивления. Взгляды Лу Синя обогатили идейный мир Китая и всего человечества.

Ключевые слова: «движение 4 мая», Лу Синь, Китай, антитрадиционная направленность, рационалистический дух.

Зачастую переломные моменты в китайской истории начинаются или заканчиваются каким-либо крупным политическим событием. Эпохальные перемены в китайской литературе, словно зеркало, отражают все изменения, происходящие в китайском обществе и политике. При этом, с одной стороны, мы можем наблюдать механизм сдерживания со стороны политической системы, а с другой — влияние общественного сознания, определяемого политической этикой писателей, что на практике представляет собой процесс развития тесно связанных между собой литературы и политики, литературы и культуры. Поэтому изучение определенных этапов китайской литературы или изменений в мировоззрении писателя мы непременно должны

соотносить с такими аспектами, как политика, культура и литература. «Движение 4 мая»¹, несомненно, стало поворотным моментом в китайском обществе, культуре и мышлении. Оно ознаменовало не только отправную точку модернизации китайского общества, но и превратилось в центр пристального внимания и дискуссий в истории идейной культуры². Чэнь Пинъюань³ по этому поводу сказал следующее: «Независимо от того, какую позицию вы занимаете, левую или правую, радикальную или консервативную, необходимо продолжать постоянный диалог с “движением 4 мая”» [1, с. 21]. Актуальность этого ключевого постулата для социального развития Китая, а также для идеологических и культурных преобразований определяется тем, что на протяжении последнего столетия не прекращаются споры в оценке китайской идеологии, культуры и истории, а также разногласия касательно концепций будущего пути развития. Для объяснения и разрешения этих споров с точки зрения истории идейной мысли и социальной истории наиболее подходящим историческим образцом и актуальным примером является фигура Лу Синя⁴.

Утверждение «культуры 4 мая» и культурный выбор Лу Синя

За прошедшие сто лет «движение 4 мая» всегда было обязательной темой при изучении идейной культуры Китая. Оценка истории и прогнозирование будущего, независимо от того, осуждение это или одобрение, часто начинается с оценки «движения 4 мая». Все больше признаков указывает на то, что сегодня мы снова вступили в так называемую «большую эпоху», о которой говорил Лу Синь в начале XX в. На мой взгляд, чтобы понять вектор идейной культуры Китая в ту эпоху, следует вооружиться великим суждением Мао Цзэдуна, который еще в 1940-х годах, вскоре после смерти Лу Синя, сказал: «То направление, которое задал Лу Синь, есть направление новой культуры китайской нации» [2, с. 698]. Эти слова являются лучшим ответом на вопрос об идейной культуре Китая в долгосрочной перспективе. Возможно, такого рода историческим вопросом следовало начать заниматься более полувека назад, поскольку сегодня под влиянием различных идеологических сил ответы в академических кругах, особенно в интернете, становятся все более расплывчатыми и неоднозначными. Я постоянно думаю о том, каким образом в эту большую эпоху между историей и будущим мы понимаем идеи Лу Синя и столетнюю традицию новой литературы?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего следует прояснить и понять вопрос о «направлении новой культуры китайской нации». Направление

¹ «Движение 4 мая» — антифеодалное и антиимпериалистическое движение в Китае в 1919 г., ставшее реакцией на несправедливость условий Версальского договора по отношению к Китаю и предопределившее изменения в современной китайской культуре и литературе. Является частью движения за новую культуру в Китае в 1915 — середине 1920-х годов.

² В оригинале использовано выражение *сысян вэньхуа* 思想文化, дословно «идейная культура» или «культура идей», отличающееся как от привычного отечественной науке термина «духовная культура», так и от понятия идеологии.

³ Чэнь Пинъюань (р. 1954) — профессор Пекинского университета, ведущий исследователь современной китайской культуры и литературы.

⁴ Лу Синь (наст. имя Чжоу Цзожэнь, 1881–1936) — писатель, переводчик и общественный деятель, один из основоположников современной китайской литературы и идейных лидеров «движения 4 мая», позже вождь левой китайской литературы, его художественные и публицистические произведения стали символом обновления китайской культуры в 1910–1930-х годах.

новой национальной культуры совпадает с курсом новой демократической революции в Китае. Целью новой демократической революции являлось не только завершение политического преобразования китайского общества, но и проведение культурных преобразований. Первое выражалось в «политическом спасении», а второе — в «идейном просвещении». Эти два аспекта не были взаимоисключающими, а, напротив, взаимно дополняли друг друга. В этом можно увидеть не только теоретическую логическую связь, но и практическую связь между историческим развитием и идеологическими изменениями. Основным тезисом культуры и литературы «движения 4 мая» является «освобождение человека». Просвещение и спасение — это, по сути, разные формы выражения данного тезиса на разных исторических этапах, другой фокус освобождения человека, которое включает в себя идейное освобождение, политическую революцию, экономическое возрождение и национальную независимость, что составляет полное содержание всестороннего развития человека.

«Направление новой культуры китайской нации» — это культурный выбор, богатый по содержанию. С политической точки зрения это антиимпериалистическая, антифеодальная политическая революция и национальная революция. Это общий лозунг и главная тема новой культуры и новой литературы «движения 4 мая», при этом Лу Синь является основателем и характерным представителем новой культуры и новой литературы. Его произведения и образ мыслей лучше всего выражают дух движения. Независимо от того, как именно оценивать вековое «движение 4 мая», оно уже сформировало в современной истории Китая уникальную «культуру 4 мая». Даже если отрицать «культуру 4 мая» и умалять ее значимость, то тем самым будет утверждаться ее особенная культурная принадлежность. Оценка истории и сущностные суждения не только выносятся в результате односторонних одобрений, но еще и подтверждаются отрицаниями. Что касается исторической роли отрицаний, мы часто смотрим на них поверхностно и негативно, игнорируя их идейную историческую функцию. Что касается «новой культуры 4 мая», то ее антитрадиционная направленность в начале движения за новую культуру содержится в обвинении и осуждении оппонентов. Таким образом, значение понятия «культура 4 мая» явно больше, чем значение понятия «новая культура 4 мая» и уже включает в себя новую культуру, а также сложившиеся вокруг нее оценки. Исходя из этой логики выбор фигуры Лу Синя как символа и образца «культуры 4 мая» представляется нам наиболее уместным.

Наряду с этим «культура 4 мая» — это не только историческое понятие, но и динамичная современная концепция, включающая в себя как «культурное», так и «политическое 4 мая». Еще важнее то, что это понятие несет в себя толкование оценок «движения 4 мая» на протяжении ста лет. Применительно к связям между Лу Синем и направлением новой культуры китайской нации, скорее всего, подразумеваются отношения между Лу Синем и Китаем XXI века или Лу Синем и миром XXI век в плоскости идейной культуры. Как и «культура 4 мая», культура Лу Синя по своему содержанию и логике имеет такую особенность, как сосуществование исторического и современного. Говоря конкретнее, живой Лу Синь — это интерпретация образа культуры Лу Синя. Структура идей Лу Синя в истории и влияние идей Лу Синя в наши дни сформировали вечно живую культуру Лу Синя. В настоящее время идейная культура человеческого общества

стремится к сближению, но при этом крайне раздроблена. Появляясь в интернете, все новости, будь то национальные конфликты, исторические оценки или местные новости, сводки о браках знаменитостей, несчастных случаях и т. д., тут же приводят к расколу по этническому и социальному признакам. Вместо многообразия системы ценностей налицо ее раскол. Каким же образом в этой сложной, запутанной и суровой идейной среде разыскать в богатой культуре Лу Синя полезные идейные ресурсы, которые стали бы опорой для нашей современной идейной культуры?

Исходя из чистой научной логики пересмотреть историю и обобщить ее опыт несложно, потому что мы от нее уже дистанцированы. Не у всех людей есть возможность участвовать в истории, но у всех есть право ее оценивать. Историю всегда пишут потомки, ее восприятие в будущем не застраховано от бесчисленного количества интерпретаций. Поэтому нам часто кажется, что сделать выводы об истории проще простого. Человеческое общество и идейная культура движутся из прошлого в будущее, а стремление к будущему и его ожидание — это высшая степень развития человеческого общества. Однако нельзя игнорировать сложный процесс между прошлым и будущим. Поэтому иногда основным является промежуточное звено, а именно текущий момент. Ключ между историей и будущим — это одержимость настоящим, а ключ между своими традициями и остальным миром — это культивирование человеческого сознания и практика осознания «сообщества единой судьбы человечества». Для Лу Синя первое проявляется как сознание «промежуточного», а второе — как сознание «человека мира».

Мостом между историей и будущим является настоящее, при этом настоящее определяет направление будущего. Таким образом, можно сказать, что культура Лу Синя установила ориентиры для настоящего. В исследовательских кругах, изучающих его творчество, существует единое мнение о том, что, только поняв китайское общество, можно понять Лу Синя, и, наоборот, только поняв Лу Синя, можно понять китайское общество. Лу Синь всегда будет жить в настоящем моменте. Основная суть культуры писателя заключается в его глубоком понимании китайского общества, культуры и китайцев. Лу Синь и Китай неразрывно связаны между собой. На протяжении всей своей жизни Лу Синь критиковал и бросал вызов не каким-то отдельным фигурам, а определенным китайским культурным традициям, определенным национальным чертам и определенному социальному устройству, вместо личных врагов, у него были враги общества. Лу Синь — это писатель, которого читали и читают, в этом смысле он уже превратился во всемирную тему для обсуждений, мы потратили более полувека на его чтение и понимание. Находясь между прошлым и будущим, Лу Синь одержим настоящим, что главным образом отражается в его глубоком чувстве тревоги и критическом настрое. Существуют две силы, которые продвигают общество вперед: это сила утверждения и сила отрицания. Утверждение заключается в воспевании благих деяний общества, а отрицание — в критике социальных пороков, при этом обе эти силы обладают положительной энергией. Мы все привыкли считать, что жизненная миссия Лу Синя — это разрушать и критиковать, но, как говорится, не сломав старого, не построишь нового, поэтому, по существу, с его стороны это было созидание. Основной причиной такого настроения являлось его стремление к хорошему обществу. Лусиневская правда мешает злым людям творить зло и, что

важнее, открывает подлинную суть лицемеров. Если говорить о том, что степень познания реальности определяет степень достоверности будущего, то многие мысли Лу Синя опередили столетие, и то, о чем он говорил в прошлом, актуально именно сегодня. За свою жизнь он выдвинул множество важных суждений, касающихся развития нации, общества и культуры. Эти суждения нацелены не только на настоящее, но и на будущее, они стали ценными ресурсами «новой культуры китайской нации». Когда к нам, словно очнувшись ото сна, приходит понимание какой-то сложной идейной проблемы, мы вдруг обнаруживаем, что Лу Синь все это уже давно сказал и теперь спокойно стоит в сторонке, принимая наше к нему уважение.

Лусиневская культура увеличила температуру и глубину национальной культуры. Мышление Лу Синя повысило качество национального мышления, а также обогатило возможности человеческого мышления и способствовало идейному прогрессу общества в новую эпоху. Возможно, это наиболее глубокое понимание «направления новой культуры китайской нации». Лусиневская культура стала мерилом нашего культурного и жизненного выбора. В свою очередь, исследования Лу Синя дают определенное право голоса и выражения мнения в понимании истории и будущего, традиций и мира. Любое историческое исследование стремится обрести смысл для настоящего, а любое исследование личности предназначено не только для изучения отдельных фигур, но и для понимания всего общества. Основываясь на таком понимании и чувству идейные тенденции современного человеческого общества, мы подчеркиваем актуальность и общественный характер исследования Лу Синя, иначе говоря, отталкиваясь от его основных идей и используя его как тему для дискурса, мы можем говорить о себе и о нашем времени. Нам необходима популяризация Лу Синя, что будет способствовать расширению и увеличению ценности лусиневской культуры.

Современное исследование Лу Синя в мире проходит весьма обширно и тщательно: от описания выдающихся образов до проникновения в психологию, от разбора идейных посылов до рассмотрения нравственных качеств, от рассмотрения с точки зрения художественной ценности до оценки с позиции культуры, — что демонстрирует беспрецедентное богатство и разнообразие, при этом многие исследования уже сформировали определенную парадигму. Исследовательская парадигма — это не просто исследовательский метод или модель, а своего рода идеология и научная система ценностей. Как и при исследовании других писателей, при исследовании Лу Синя в основном прибегают к трем парадигмам. Во-первых, это историческое исследование, основанное на извлечении исторических данных. Во-вторых, это академизированное исследование, основанное на интерпретации знаний и эстетической оценке. В-третьих, это актуализированное исследование, посвященное поиску актуальности и ценности идей Лу Синя и их социальной функции. Первые две парадигмы всегда были основополагающими, они значительно обогатили собственный мир Лу Синя и исследования о нем, став базой для нашего понимания этой фигуры. Что касается третьей исследовательской парадигмы, то, хотя исследование исторических и оценочных суждений весьма сложно, именно в них заключена главная ценность лусиневской культуры.

Характер «культуры 4 мая», а также пессимизм и ожесточенность Лу Синя

Начиная с «движения 4 мая за новую культуру» в духовном мире Лу Синя ощущается некоторая двойственность, а именно пессимизм и ожесточенность. Без всякого сомнения, это создает противоречивый характер мышления. Раньше я полагал, что такого рода противоречие демонстрирует богатство духовного мира Лу Синя. Кроме того, оно может нести в себе определенный характер «культуры 4 мая». С психологической точки зрения пессимизм и ожесточенность есть ответная реакция на раздражитель, при этом между ними существует идейная и эмоциональная взаимосвязь. Одна из причин таких реакций — оценка и понимание психического состояния широких масс людей — «обывателей», это своего рода мысли и эмоции, вызванные «жалостью к несчастным и злостью на бессилие». Большинство первопроходцев «движения 4 мая за новую культуру» придерживались именно такой «обывательской» точки зрения. На том этапе для Чэнь Дусю⁵, Ху Ши⁶, Ли Дачжао⁷, Цянь Сюаньтуна⁸ и других характерны такого рода пессимизм и ожесточенность в мыслях и эмоциях. Здесь следует обратить особое внимание на Лу Синя, который задавал «направление новой культуры китайской нации». Его пессимизм в начале «движения 4 мая» и проявившаяся в последующем ожесточенность могут быть ключом к пониманию лусиневской культуры, культурного духа «движения 4 мая» и их логической связи.

Каким образом Лу Синь как последователь движения за новую культуру, который при этом проявлял пессимизм и колебания, мог задавать направление новой культуре? Такие характерные для лусиневского мышления взаимоисключающие понятия, как пессимизм и ожесточенность, почти одновременно существовали и в духовном мире Лу Синя, и в обществе того периода. Анализ лусиневского пессимизма и колебаний является слабым местом в оценке «новой культуры 4 мая». Только поняв психическое состояние Лу Синя, можно осознать идеологическую глубину и целостность стремительного как ураган «движения 4 мая за новую культуру».

Совершенно очевидно, что Лу Синь не был пионером движения за новую культуру, в самом начале этого движения он какое-то время вообще был подавлен и молчал. Его удалось втянуть в этот лагерь приверженцев движения за новую культуру лишь после многократных уговоров со стороны Цянь Сюаньтуна, Лю Баньнун⁹ и других активистов. Поэтому наши прежние выводы о ранних идеях Лу Синя зачастую ограничены. На самом деле это не означает, что его идеи отставали от своего времени; скорее они, наоборот, опережали его. В итоге Лу Синь «как себя не отговаривал, а отказаться от своих надежд не мог», поэтому он все-таки решил «время

⁵ Чэнь Дусю (1879–1942) — один из наиболее радикальных лидеров движения за новую культуру и литературной революции, первый руководитель Коммунистической партии Китая.

⁶ Ху Ши (1891–1962) — известный ученый и литератор, зачинатель литературной революции, флагман китайского либерализма, профессор (позднее ректор) Пекинского университета.

⁷ Ли Дачжао (1889–1927) — один из лидеров движения за новую культуру, революционер-марксист.

⁸ Цянь Сюаньтун (1887–1939) — известный лингвист и реформатор китайского языка, активист движения за новую культуру.

⁹ Лю Баньнун (1891–1934) — известный поэт, лингвист, активист движения за новую культуру.

от времени бросать клич в поддержку героев-одиночек, ободрять их в движении вперед» [3, с. 437]. Гнетущая тоска и молчание вовсе не означают бездарность и невежество. Фактически с началом XX в. Лу Синь всегда сохранял ясность мысли. Его написанные на классическом китайском языке вэньянь и опубликованные в Японии статьи по литературе, искусству, культуре, истории, религии, науке, независимо от того, излагает ли он в них собственные идеи или заимствует взгляды других, по своему новаторству и глубине намного опережают передовые идеи того времени. Вспомним хотя бы то, как перед революцией 1911 г. он превзошел конституционалистов и революционную партию, отрицая несбывшееся «господство народа».

В тот момент, когда просвещение переживало свой подъем, Лу Синь предвидел его будущую судьбу в Китае. Он понял, что историческая инерция и атмосфера старой китайской культуры подобны «рядом бесплотных существ», и в конце концов «бесплотные существа оказываются победителями» [4, с. 220]. Несмотря на бунт и призывы первопроходцев движения за новую культуру, он всего лишь «одинокий воин»: «Между землею и небом затерялся одинокий воин, бродит один, положив на плечо трезубец» [5, с. 156]. Для первопроходца «самое горькое состоит в том, что у него нет возможности идти за мечтой» [6, с. 166]. Лу Синь не без горечи считает, что «Китай слишком сложно изменить. Даже если потребуется просто переставить стол или переделать печь, похоже, все равно придется пустить кровь; и даже если будет кровь, нет никакой гарантии, что у вас получится что-либо переместить или переделать» [6, с. 171]. Он «подобен красильному чану с черной краской: какую бы вещь в него ни положили, она непременно станет черной» [7, с. 20]. Везде, от критики нереализованной демократии Китая до скептицизма в отношении новой культуры и социализации общества, можно заметить, что внутренний настрой Лу Синя окутан тенью разочарования. Более того, до конца дней его сопровождала боль, вызванная слишком трезвым и глубоким восприятием жизни. Мне кажется, что для духовного мира Лу Синя всегда было характерно наличие двух уровней: Лу Синь открытый, бросающий громкие призывы, и Лу Синь скрытый, страдающий и одинокий. «Когда борцы за идею находят сочувствующих, они смело идут вперед, встречая противников, вступают в бой, если же нет ни поддержки, ни протеста, они чувствуют себя одинокими, словно заблудившимися в бескрайней пустыне. Все острее я ощущал одиночество, оно обвивало мою душу, словно огромная ядовитая змея» [3, с. 439]. Такую боль одиночества трудно испытать, если внутри тебя не живет мудрец. Читая эти вытекающие из самой глубины сердца слова, мы иногда даже жалеем Лу Синя.

Лу Синь недоверчив; причина этому заключается в том, что слишком часто он в силу своей порядочности и простодушия бывал обманут. Детские переживания, разногласия между братьями, предательство товарищей и учеников превратились для него в тот жизненный опыт, который стал источником недоверчивости. Обращая внимание на пессимизм и недоверчивость Лу Синя, мы вовсе не хотим сказать, что для него были характерны устаревшее мышление и упаднические настроения. Мы делаем это для того, чтобы акцентироваться на его уникальном складе ума: когда кто-то приводил конечное умозаключение, для него оно превращалось лишь в отправную точку; когда кого-то посетила первая мысль, он уже переходил ко второй; когда кто-то рассматривал что-либо как положительное, он видел в этом отрицательное. Мы называем это «мышлением второго шага».

Уникальность такого склада ума — вовсе не искусственное разделение, это общий итог, вытекающий из идейной практики Лу Синя. В отличие от Го Можо¹⁰ и других литераторов, которые во время движения за новую культуру и в разгар великой революции 1925–1927 гг. вели себя восторженно и оптимистично, Лу Синь, все видел в черном свете. В наших учебниках такое сопоставление приводится сплошь и рядом, при этом указывается на ограниченность раннего мышления Лу Синя. Однако именно в этом и состоит глубина его уникального мышления и его исторической прозорливости. В разгар великой революции 1927 г. после своего прибытия в Гуанчжоу Лу Синь за всеобщей восторженностью разглядел затаенное беспокойство, и один выступил с предостережением: «Упорные активисты движутся вперед, оставляя после себя просторы, где уже свершилась революция, это позволяет нам, не боясь распевать революционные песни и показывать соответствующий настрой. Но на самом деле это не имеет ничего общего с революцией. Чем больше будет таких людей, тем быстрее развеется, истончится и вовсе исчезнет революционный дух, после чего последует возврат к прошлому. Гуандун является колыбелью революции, поэтому он первым превратился в ее тыл, и именно поэтому его первым ждет упомянутый выше кризис... В реакционных районах контрреволюционеры тоже ведут свою работу» [8, с. 196]. К сожалению, инцидент, произошедший в Гуанчжоу два месяца спустя¹¹, подтвердил слова Лу Синя.

Пессимизм Лу Синя следует понимать исходя не только из содержания, но еще и из логики его мыслей. К учению о логике Лу Синь прикоснулся благодаря переведенному Янь Фу¹² предисловию к «Эволюции и этике» Томаса Гексли, к тому же на него оказало влияние «искусство судебных процессов» советников по судебным делам в восточночжэцзянской¹³ культуре. Его скрупулезное мышление, уникальная точка зрения и острый язык не позволяют усомниться в его доводах: «Вот вы говорите о язвах на ногтях. Если представить, что ногти — это китайцы, это будет означать, что китайцы покрылись язвами. А раз так и при этом сами вы — китаец, то и у вас есть язвы. Поскольку у вас они есть, то вы и есть ноготь. Если же вы говорите лишь о ногтях, это означает, что у вас нет самосознания. В чем тогда ценность ваших слов? Утверждая, что у вас нет язв, вы просто врете. Врут предатели родины, значит, вы — предатель. Я ругаю предателей, значит, я — патриот. Слова патриота самые ценные, поэтому мои слова хорошие. А раз мои слова хорошие, то вы, несомненно, предатель!» [9, с. 31–32] В этих ступенчатых умозаключениях как нельзя лучше раскрывается абсурдная логика «словесного патриотизма». Такого рода чистая логика и острота фраз объясняются глубиной мышления Лу Синя, поэтому в процессе своих последующих размышлений он способен вывести следующие

¹⁰ Го Можо (1892–1978) — один из творцов современной китайской поэзии, поэт-романтик, позднее коммунист, после образования КНР возглавил Китайскую академию наук и Всекитайскую ассоциацию деятелей литературы и искусства.

¹¹ Имеется ввиду резня в отношении коммунистов в Гуанчжоу 15 апреля 1927 г., ставшая частью контрреволюционного переворота, совершенного правым крылом Гоминьдана под руководством Чан Кайши.

¹² Янь Фу (1854–1921) — ведущий переводчик и популяризатор западной науки и культуры в Китае.

¹³ Лу Синь был уроженцем г. Шаосина — древнего центра китайской культуры в восточной части провинции Чжэцзян.

умозаключения: «...на грани громких песен и буйного жара холодно; в небе — бездонная пропасть; в глазах — пустота; спасение там, где нет надежды» [10, с. 207].

Если Го Можо и другие писатели в разгар великой революции были настроены оптимистично, потому что видели лишь ее апогей, то Лу Синь был настроен пессимистично, потому что видел грядущий за высоким приливом отлив. Такого рода образ мышления говорит о спокойном, глубоком, настойчивом и твердом складе ума Лу Синя: невозмутимом и ясном во время прилива, решительном и хладнокровном во время отлива. На самом деле самый законченный пессимист — это самый законченный идеалист. Ведь, если при оценке всего и вся пользоваться исключительно критериями «совершенства», становится понятно, что все вокруг несовершенно, отсюда вытекают полный пессимизм и большие разочарования.

Пессимизм и разочарование могут расстраивать или раздражать. Отчаяние и разочарования могут сломить, а могут, наоборот, побудить к каким-то действиям. Подавленность — это реакция слабака, у которого в результате опускаются руки и который сам себя сводит в могилу. А вот переход от подавленности к возмущению ведет к ожесточенному сопротивлению. Лу Синь испытывал «подавленность»: «Тогда я вовсе не принадлежал к числу энтузиастов «литературной революции». Видел я революцию 1911 года, вторую революцию, провозглашение Юань Шикая¹⁴ императором, попытку реставрации маньчжурской монархии Чжан Сюнем¹⁵. Смотрел, смотрел и стал сомневаться, а затем предался разочарованию и полному унынию» [11, с. 468]. Однако образ мыслей Лу Синя носит целостный характер. Переход от «разочарования» к «унынию» не является конечным пунктом. Его пессимизм, как было упомянуто выше, отличается глубиной и дальновидностью, а ожесточенность вызвана «сопротивлением отчаянию» в безнадежной ситуации. «Даже прекрасно понимая, что дорога ведет в могилу и при этом все равно продолжать идти — означает сопротивляться отчаянию» [12, с. 477].

Некоторые полагают, что такое ««сопротивление отчаянию»» демонстрирует характерное для Лу Синя состояние расщепления и его страстную надежду прийти к единству» [13, с. 468]. Сопротивляться ради «надежды» — значит ценить результат сопротивления, включая высокую оценку себя; сопротивляться из-за «отчаяния» ничего подобного не означает, и, естественно, это не самое лучшее состояние, потому что несет в себе окончательный разрыв и мужественную патетику, выраженную в таких характерных лусиневских фразах, как «вот и все» и «несмотря ни на что». Однако лусиневский переход от «отчаяния» к «сопротивлению» выглядит не как «расщепление», а как следствие его мыслей и поведения. Именно потому, что сначала его охватило «отчаяние», его «сопротивление» выражало «ожесточенность»: «Я считаю, что сопротивляться из-за отчаяния сложно, но такие бойцы смелее и трагичнее тех, кто сопротивляется из-за надежды» [12, с. 477–478]. Такого рода ожесточенный характер идей и боевой дух Лу Синя не только увеличил страстный накал движения за новую культуру, но еще и придал ему глубину. Вме-

¹⁴ Юань Шикай (1859–1916) — военачальник и политик, президент Китайской Республики в 1912–1915 гг., самопровозглашенный император (1915–1916).

¹⁵ Чжан Сюнь (1854–1923) — китайский генерал, сохранивший верность династии Цин после Синьхайской революции и попытавшийся в июле 1917 г. восстановить на троне последнего маньчжурского императора Пу И.

сте с Ху Ши, Чжоу Цзожэнем¹⁶, Лю Баньнуном и др. он с помощью знаний и идейной логики обеспечил важнейшую движущую силу для трансформации и углубления движения за новую культуру и стал важнейшим идеологическим достижением «движения 4 мая».

Когда мы обращаем внимание на проблему новой культуры и глубоко анти-традиционного культурного взгляда Лу Синя, то не можем игнорировать стоящий за этим рационалистический культурный дух просветительской идеологии. Идеи Лу Синя о культурном радикализме содержат мудрое и глубокое зерно, и даже немного напоминают поэзию Ду Фу¹⁷ с присущими ей депрессией и разочарованием. Вековое историческое влияние и оценка «движения 4 мая» всегда волновали общественную мысль. При этом все единодушно полагают, что движению за новую культуру присущ культурный радикализм и считают Лу Синя одним из его представителей. Мышление Лу Синя действительно отличается резкостью и ожесточенностью: «Надежда возлагается лишь на гений великих ученых; когда же основой являются глупцы, зло не является чем-то удивительным». «Лучше пожертвовать обывателями, чтобы появилось хотя бы пара гениев» [14, с. 53]. «Китайцев никогда не оценивали как “людей”, в лучшем случае их воспринимали как рабов» [15, с. 224]. «Массы, особенно массы китайские, всегда будут являться просто зрителями в театре» [6, с. 170]. «Китайцы — это по-прежнему нация канибалов» [16, с. 365]. «В закоренелом обществе ничто не мешает делать глупости». «Единственным спасением для больного является другое лекарство: кислота или даже сильная кислота» [17, с. 139]. «Так называемая китайская цивилизация — это на самом деле просто устроенный для богатых пир из человеческого мяса. Так называемый Китай — это на самом деле просто кухня, где устраивают пиршество из человеческого мяса» [15, с. 228]. «Я считаю, что нужно меньше читать или же вообще не читать китайских книг» [18, с. 12]. «И пусть они меня ненавидят, я никого не пощажу» [19, с. 635].

Эти резкие высказывания встречаются у Лу Синя повсеместно, что говорит об ожесточенности и даже крайней резкости его мышления. По словам Линь Юйтана¹⁸, который сперва был хорошим другом Лу Синя, а позже стал его оппонентом, «вместо того чтобы называться литератором, Лу Синь больше известен как боец. Что такое боец? Облечившись в доспехи, вооружившись копьем и щитом, он вступает в бой, чтобы обрести радость. Без сражения он не обретет радость. Без доспехов он не обретет радость. Даже если ему не с кем скрестить оружия или у него нет копья, тогда он подберет камень и бросит его хотя бы в собаку, и попав в нее, будет счастлив. Такова форма жизни Лу Синя» [20, с. 144].

Такая оценка Линь Юйтана, несомненно, точна, однако ключевой момент состоит в том, каким образом следует понимать остроту и ожесточенность лусиневского мышления. Я думаю, что присущая ему резкость проистекает из глубокого понимания ситуации, а ожесточенность — из твердой воли и бескомпромиссного отношения к своей позиции. Причину такой ожесточенности обуславливают сила и необъятность объектов его сопротивления. Основными объектами его сопротивления и конфронтации являются идолы или авторитеты — «вышестоящие», «зна-

¹⁶ Чжоу Цзожэнь (1885–1967) — известный литератор, один из теоретиков литературной революции, младший брат Лу Синя.

¹⁷ Ду Фу (712–770) — классик китайской поэзии.

¹⁸ Линь Юйтан (1895–1976) — китайский писатель, сторонник аполитичной литературы.

менитости», «люди высокой морали», военачальники, власти Гоминьдана, а также общество в лице «обывателей», «зрителей», «серой массы» и т. д. Если первый объект силен, то второй — необъятен. Хотя чувства и позиция Лу Синя к этим объектам разные, «власти» и «обыватели» — это противоположность пионерам и пробуждающим. Относительно себя все они сильны. Пионеры и пробуждающие относятся к тому типу «высокомерных людей», которые в силу своей уникальности объявляют войну обывателям. Помимо мании величия, такие высокомерные люди по большей части гениальны... или даже немного безумны. Они наверняка осознают, что их мышление и знания выше, чем у обывателей, поэтому для последних они непонятны, поэтому их возмущают существующие порядки и нравы... Но все новые идеи в основном исходят от них. Зачинателями политических, религиозных и нравственных реформ также являются они» [21, с. 327]. Как говорится в «Дневнике сумасшедшего»¹⁹, среди тех, кто хочет вас съесть, имеются и начальники, и подчиненные, и даже вы сами до своего пробуждения.

Будучи идеологической революцией, «движение 4 мая за новую культуру» стало точкой трансформации традиционного Китая в Китай современный. Социальные изменения всегда начинаются с небольшой группы людей или даже с нескольких человек, другими словами, пробужденные — это малочисленные «чужаки». Нормальное считается «ненормальным» только в ненормальном обществе. И наоборот, ненормальное в ненормальном обществе считается «нормальным». Это мощный механизм, и даже если его «невозможно увидеть» или у него «нет имени», он все равно действует, превращая пробужденных в преследуемых. И совершенно неудивительно, что, сталкиваясь с противоположностями, немногочисленные пробужденные кричат и сходят с ума. Безумие притесняемого — это отчаянное сопротивление, которое тем ожесточеннее, чем сильнее противник.

Пока отдельные люди давали яростный отпор властям и обществу, Лу Синь понимал, что ему «далеко до героя, которому стоит лишь взмахнуть рукой и кинуть клич, чтоб созвать толпы соратников» [3, с. 439–440]. Но его дух трезв, мысли ясны, воля тверда, а эмоции остры. И нельзя игнорировать присущую ему возвышенную мораль: «Храбрец, разозлившись, направляет свой меч на более сильного; а трус — на более слабого» [22, с. 52]. «Когда противник подобен зверю, ведите себя как зверь, а когда противник подобен овце, ведите себя как овца! Тогда, что бы ни случилось, каждый попадет в свой собственный ад» [23, с. 64]. Такое благородство Лу Синя, с одной стороны, проявляется в его решительном и неотступном сопротивлении традиционным «авторитетам»: «Будь то древность или современность, человек или призрак, “Три гробницы и пять книг заветов”, “Сотня сунских и тысяча юаньских книг”, “начертания на спине дракона”, “золотые и нефритовые Будды”, древние порошки и приготовленные по секретному рецепту пилюли бессмертия — все они растоптали его» [24, с. 47]²⁰.

С другой стороны, благородство писателя выражается в сочувствии к «обывателю», которого он «жалеет и на бессилие которого одновременно злится». Для

¹⁹ «Записки сумасшедшего» (1918) — рассказ Лу Синя, первое произведение новой китайской прозы.

²⁰ Здесь перечисляются произведения древней китайской словесности, книжные собрания, религиозные символы и предметы китайской медицины, олицетворявшие традиционную культуру Китая.

него характерны глубокая любовь и острая боль, неопределенность не вызывает язвительности, а колебания не вызывают жесточенности. Заглядывая во внутренний мир Лу Синя, мы обнаруживаем, что все представленные в нем сложные мысли и эмоции, от пессимизма до жесточенности, от сочувствия до критики, очень ясны и последовательны. Даже если он выдвигает крайние или экстремальные идеи, им присуща так называемая «односторонняя глубина», которую в 1980-х годах часто отмечали лусиневеды. Чэнь Пинъюань по этому поводу сказал следующее: «Я не отрицаю крайности, наивности или даже банальности приверженцев “новой культуры движения 4 мая”, но это люди, которые понимают ситуацию и вершат большие дела. Они намного мудрее многих сегодняшних кабинетных ученых, которые углубляются в детали и что-то доказывают с пеной у рта» [1, с. 22]. И действительно, откуда бы взялся современный Китай, если бы не было жесточенности и решимости, присущих «движению 4 мая» и идеям Лу Синя?

Величие Лу Синя состоит в глубине его мыслей, его боль также лежит в глубине его мыслей. Сокрушенный возглас «нет ничего мучительнее в жизни, чем не знать, куда идти после своего пробуждения» есть самый трезвый голос, который демонстрирует личный опыт размышлений Лу Синя о жизни, а также духовное мировоззрение его поколения. Этот самобытный духовный склад лусиневской культуры повлиял на несколько поколений китайских ученых, занимающихся изучением Лу Синя. Неся тяжелое бремя, они капля за каплей подтвердили изменение истории и свой личный духовный курс. Не все наши прошлые исследования Лу Синя содержали четкий взгляд на вещи, однако текущие исследования Лу Синя демонстрируют невиданные доселе правду и глубину. Лу Синь живет в наших сердцах, его существование создало для нас зеркало, отражающее общество и нас самих. Лу Синь заставил нас страдать, причем очень сильно страдать, и все-таки я должен сказать: «Лу Синь, ты и сегодня с нами».

Литература

1. 陈平原. 作为一种“思想操练”的“五四” // 探索与争鸣. 2015. 第7期. 第20–23页 [Чэнь Пинъюань. Движение 4 мая как «гимнастика для мышления» // Таньсо юй чжэнмин. 2015. № 7. С. 20–23]. (На кит. яз.)
2. 毛泽东. 新民主主义论 (毛泽东选集) // 北京: 人民出版社. 1991. 第2卷. 第662–711页 [Мао Цзэдун. О новой демократии (Избранное из сочинений Мао Цзэдуна). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1991. Т. 2. С. 662–711]. (На кит. яз.)
3. 鲁迅. 自序 (呐喊) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第1卷. 第437–443页 [Лу Синь. Предисловие к сборнику «Клич» (Полное собрание сочинений Лу Синя). Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 1. С. 437–443]. (На кит. яз.)
4. 鲁迅. 这样的战士 (野草) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第2卷. 第219–220页 [Лу Синь. Такой боец! (Из сборника «Дикие травы») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 2. С. 219–220]. (На кит. яз.)
5. 鲁迅. 题《彷徨》(集外集) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第7卷. 第156页 [Лу Синь. Эпиграф к сборнику «Блуждания» Стихотворение (из «Сборника, не вошедшего в сборники») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 7. С. 156]. (На кит. яз.)
6. 鲁迅. 娜拉走后怎样 (坟) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第1卷. 第165–173页 [Лу Синь. Что станет с Норой после ее ухода из дома? (из сборника «Могила») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 1. С. 165–173]. (На кит. яз.)

7. 鲁迅. 两地书 // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第11卷. 第20页 [Лу Синь. Переписка Лу Синя с Сюй Гуанпин // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 11. С. 20]. (На кит. яз.)
8. 鲁迅. 庆祝沪宁克复的那一边 (集外集拾遗补编) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第8卷. 第196–200页 [Лу Синь. Праздную возвращение Шанхая и Нанкина (из «Дополненного дополнения к сборнику, не вошедшего в сборники») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 8. С. 196–200]. (На кит. яз.)
9. 鲁迅. 论辩的魂灵 (华盖集) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第3卷. 第31–34页 [Лу Синь. Душа полемики (из сборника «Под роскошным балдахином») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 3. С. 31–34]. (На кит. яз.)
10. 鲁迅. 墓碣文 (野草) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第2卷. 第207–208页 [Лу Синь. Надгробная надпись (из сборника «Дикие травы») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 2. С. 207–208]. (На кит. яз.)
11. 鲁迅. «自选集» 自序 (南腔北调集) / 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第4卷. 第468–471页 [Лу Синь. Предисловие к «Сборнику, составленному автором» (из сборника «Северные песни на южный лад») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 4. С. 468–471]. (На кит. яз.)
12. 鲁迅. 1925年4月11日致赵其文 // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第11卷. 第477–478页 [Лу Синь. Чжао Цивэню. 11 апреля 1925 года // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 11. С. 477–478]. (На кит. яз.)
13. 赵江滨. 反抗绝望及其他--鲁迅的生命哲学探幽 // 宁波大学学报 (人文版). 2015. 第2期. 第24–28页 [Чжао Цзяньбинь. Сопrotивление, отчаяние и прочее: осмысление жизненной философии Лу Синя // Нинбо дасюэ сюэбао (жэньвэньбань), 2015. № 2. С. 24–28]. (На кит. яз.)
14. 鲁迅. 文化偏至论 (坟) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第1卷. 第45–64页 [Лу Синь. Об односторонности культуры (из сборника «Могила») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 1. С. 45–64]. (На кит. яз.)
15. 鲁迅. 灯下漫笔 (坟) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第1卷. 第222–232页 [Лу Синь. Заметки под лампой (Из сборника «Могила») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 1. С. 222–232]. (На кит. яз.)
16. 鲁迅. 1918年8月20日致许寿裳 // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第11卷. 第365–368页 [Лу Синь. Сюй Шоучану. 20 августа 1918 года // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 11. С. 365–368]. (На кит. яз.)
17. 鲁迅. 十四年的《读经》(华盖集) / 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第3卷. 第136–142页 [Лу Синь. Четырнадцать «лет чтения канонов» (из сборника «Под роскошным балдахином») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 3. С. 136–142]. (На кит. яз.)
18. 鲁迅. 青年必读书 (华盖集) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第3卷. 第12–13页 [Лу Синь. Круг чтения молодежи (Из сборника «Под роскошным балдахином») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 3. С. 12–13]. (На кит. яз.)
19. 鲁迅. 死 (且介亭杂文末编) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第6卷. 第631–636页 [Лу Синь. О смерти (Из последнего издания сборника «Щецетин») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 6. С. 631–636]. (На кит. яз.)
20. 林语堂. 鲁迅之死 // 林语堂文集. 群言出版社. 2012. 第142–144页 [Линь Юйтан. Смерть Лу Синя // Собрание сочинений Линь Юйтана. Цюньянь чубаньшэю 2012. С. 142–144]. (На кит. яз.)
21. 鲁迅. 随感录三十八 (热风) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第1卷. 第327–332页 [Лу Синь. Под впечатлением. Заметка № 38 (из сборника «Горячий ветер») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 1. С. 327–332]. (На кит. яз.)
22. 鲁迅. 杂感 (华盖集) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第3卷. 第51–53页 [Лу Синь. Впечатления (Из сборника «Под роскошным балдахином») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 3. С. 51–53]. (На кит. яз.)
23. 鲁迅. 忽然想到七 (华盖集) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第3卷. 第63–64页 [Лу Синь. Вдруг вспомнил... Заметка 7 (из сборника «Под роскошным балдахином») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 3. С. 63–64]. (На кит. яз.)

24. 鲁迅. 突然想到六 (华盖集) // 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社. 2005. 第3卷. 第45–47页 [Лу Синь. Вдруг вспомнил... Заметка 6 (из сборника «Под роскошным балдахином») // Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 3. С. 45–47]. (На кит. яз.)

Статья поступила в редакцию 7 марта 2021 г.,
рекомендована к печати 24 июня 2021 г.

Контактная информация:

Чжан Фугуй — проф.; zhangfg@jlu.edu.cn

The Cultural Spirit of the “May Fourth Movement” and Lu Xun’s Ambivalent Thinking

Zhang Fugui

Jilin University,

2699, Qianjin Avenue, Changchun, Jilin Province, 130012, People’s Republic of China

For citation: Zhang Fugui. The Cultural Spirit of the “May Fourth Movement” and Lu Xun’s Ambivalent Thinking. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2021, vol. 13, issue 3, pp. 368–382. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.305> (In Russian)

The “May Fourth Movement” is undoubtedly a turning point in the history of modern Chinese society and culture. It must be acknowledged that the direction of development of Chinese culture was largely influenced by famous Chinese writer, educator and revolutionary Lu Xun (1881–1936). The structure of Lu Xun’s ideas and the influence of Lu Xun’s ideas today have shaped the ever-living “Lu Xun’s culture”. The main essence of Lu Xun’s culture is embodied in many important judgments regarding the development of the nation, society and culture. These judgments are aimed not only at the past, but also at the future and the present. Many of his thoughts were a century ahead their time. Speaking about Lu Xun’s anti-traditionalist approach to the development of new culture, one cannot ignore the rationalistic cultural spirit of the enlightenment ideology behind it. Lu Xun’s pessimism at the beginning of the “May Fourth Movement” and the subsequent bitterness can serve as a key to understanding the cultural spirit of the “May Fourth Movement” and its logical connection with Lu Xun’s culture. Analyzing Lu Xun’s criticism of China’s unrealized democracy and his skepticism about the new culture, one can see that Lu Xun’s inner mood is shrouded in a shadow of disappointment. Moreover, until the end of his days, he was accompanied by pain caused by too sober and deep perception of life. In addition, the reason for Lu Xun’s distrust is that too often, due to his decency and simplicity, he was deceived. We believe that the spiritual world of Lu Xun has always been characterized by the presence of two levels: Lu Xun is open, throwing loud calls, and Lu Xun is hidden, suffering and lonely. At the same time, his inherent sharpness stems from a deep understanding of the situation, and his bitterness comes from a firm will and an uncompromising attitude to his views. The reason for such bitterness is due to the strength and immensity of the objects of his resistance. Lu Xun’s views have enriched the thinking of China and all mankind.

Keywords: “May Fourth Movement”, Lu Xun, China, anti-traditional orientation, rationalistic spirit.

References

1. Chen Pingyuan. Zuowei yizhong “sisiang caolian” de “wusi” [“The May Fourth Movement” as a “Training for Thingking”]. *Tansuo yu zhengming*, 2015, no. 7, pp. 20–23. (In Chinese)
2. Mao Zedong. Xin minzhu zhuyi lun [The New Democracy]. *Mao Zedong xuanji*. Beijing, Renmin Chubanshe, 1991, vol. 2, pp. 662–711. (In Chinese)
3. Lu Xun. Zixu (Nahan) [Preface to the Collection “Battlecry”]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 1, pp. 437–443. (In Chinese)

4. Lu Xun. Zheyangde zhanshi (Ye cao) [Such a Fighter! (from the Collection “Wild Grass”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 2, pp. 219–220. (In Chinese)
5. Lu Xun. Panghuang (Jiwaiji) [Epigraph to the Collection “Wandering” Poem (from “Collection not included in collections”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 7, p. 156. (In Chinese)
6. Lu Xun. Nala zouhou zenyang (Fen) [What Happens After Nora Walks Out? (from the Collection “Tomb”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 1, pp. 165–173. (In Chinese)
7. Lu Xun. Liang di shu [Correspondence with Hsu Kuangping]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 11, p. 20. (In Chinese)
8. Lu Xun. Qingzhu Hu, Ning kefude na yibian (Lu Xun. Jiwaiji shiyi bubian) [I Celebrate the Return of Shanghai and Nanjing (From the “Supplement to the Collection, Not Included in the Collections”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 8, pp. 196–200. (In Chinese)
9. Lu Xun. Lubiande hunlian (Huagai ji) [The Soul of Controversy (from the Collection “Under the Splendid Canopy”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 3, pp. 31–34. (In Chinese)
10. Lu Xun. Mujiwen (Ye cao) [Tombstone Inscription (From the Collection “Wild Grass”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 2, pp. 207–208. (In Chinese)
11. Lu Xun. “Zixuanji” zixu (Nanqiang beidiao ji) [Preface to the “Collection compiled by the author” (from the collection “Northern Songs in the Southern Way”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 4, pp. 468–471. (In Chinese)
12. Lu Xun. 1925 nian si yue shiyi ri. Zhi Zhao Qiwen [To Zhao Qiwen. April 11, 1925]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 11, pp. 477–478. (In Chinese)
13. Zhao Jianbin. Fankang juewang ji qita — Lu Xunde shengming zhexue tanyou [Resistance, Despair and So On, Comprehending The Life Philosophy Of Lu Xun]. *Ningbo daxue xuebao (renwenban)*, 2015, (no. 2, pp. 24–28. (In Chinese)
14. Lu Xun. Wenhua pian zhilun (Fen) [On the One-sidedness of Culture (from the collection “Tomb”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 1, pp. 45–64. (In Chinese)
15. Lu Xun. Dengxia manbi (Fen) [Notes Under the Lamp (from the collection “Tomb”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 1, pp. 222–232. (In Chinese)
16. Lu Xun. 1918 nian ba yue ershiri. Zhi Xu Shouchang [To Xu Shouchang. August 20, 1918]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 11, pp. 365–368. (In Chinese)
17. Lu Xun. Shisi niande “du jing” (Huagai ji) [Fourteen years of “Reading the canons” (from the collection “Under a Splendid Canopy”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 3, pp. 136–142. (In Chinese)
18. Lu Xun. Qingnian bi du shu (Huagai ji) [Youth Reading Circle (from the collection “Under the Splendid Canopy”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 3, pp. 12–13. (In Chinese)
19. Lu Xun. Si (Qiejieting zawen mobian) [Death (from the “Addenda”, the last collection of essays)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 6, pp. 631–636. (In Chinese)
20. Lin Yutang. Lu Xun zhi si [Death of Lu Xun]. *Collected Works of Lin Yutang*, 2012, pp. 142–144. (In Chinese)
21. Lu Xun. Suiganlu. Sanshiba (Re feng) [Impressed. Note no. 38 (from the collection “Hot Wind”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 1, pp. 327–332. (In Chinese)
22. Lu Xun. Zagan (Huagai ji) [Random Thoughts (from the collection “Under the Splendid Canopy”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 3, pp. 51–53. (In Chinese)
23. Lu Xun. Huran xiangdao. Qi (Huagai ji) [Suddenly I remembered... Note 7 (From the Collection “Under a Splendid Canopy”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 3, pp. 63–64. (In Chinese)
24. Lu Xun. Huran xiangdao. Liu (Huagai ji) [Suddenly I remembered ... Note 6 (from the collection “Under a Splendid Canopy”)]. *Lu Xun quanji*. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 2005, vol. 3, pp. 45–47. (In Chinese)

Received: March 7, 2021

Accepted: June 24, 2021

Author’s information:

Zhang Fugui — Professor; zhangfg@jlu.edu.cn